

Алла ВЕРЕЩАГИНА,
заведующая кафедрой Института права Владивостокского
государственного университета экономики и сервиса,
кандидат юридических наук, доцент

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПРЕЛОМЛЕНИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Свобода национальной самоидентификации и выбора языка общения является неотъемлемым правом человека. Применительно к уголовному процессу международно-правовой стандарт этого права состоит из трех положений: 1) каждый арестованный имеет право получить информацию о причинах ареста на понятном ему языке; 2) каждый обвиняемый срочно и подробно уведомляется на языке, который понимает, о характере и основании предъявляемого ему уголовного обвинения и 3) если он не понимает или не говорит на языке суда, то пользуется бесплатной помощью переводчика (п. «а», «е» ч. 3 ст. 6, ч. 2 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; пп. «а», «f» ч. 3 ст. 14 Международного пакта «О гражданских и политических правах»; ч. 3 ст. 5, п. «а», «д» ч. 2 ст. 6 Конвенции СНГ о правах и свободах человека)¹. Иными словами, основаниями предоставления помощи переводчика являются непонимание и неумение говорить на языке суда.

Подобная регламентация имела место в УПК РСФСР. Она предусматривала привлечение переводчика, только если субъект не владел языком процесса².

Иной подход содержится в действующем уголовно-процессуальном законе, в котором это право увязывается с нали-

чием одного из двух юридических фактов: лицо не владеет или недостаточно владеет языком судопроизводства (ч. 2 ст. 18 УПК РФ). В сравнении с используемыми в международных актах терминами «не понимать» или «не говорить» на языке суда российский закон предполагает более высокий уровень знания языка.

Этот вывод следует из семантики слова «владеть», т. е. «уметь, иметь возможность пользоваться чем-нибудь, действовать при помощи чего-нибудь...»³ и имеющейся в уголовно-процессуальном законе трактовки. Участник уголовного процесса имеет право «...делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке...», которым владеет (ч. 2 ст. 18 УПК РФ). Редакция части 2 ст. 18 УПК РФ не конкретизирует форму их реализации, но имеющиеся нормативные предписания допускают и письменный, и устный способы использования процессуальных прав (ч. 1 ст. 120, ч. 3 ст. 141, ч. 2 ст. 142, 166, 259 и др. УПК РФ). А применение законодателем термина «ознакомление» с процессуальными документами (ч. 6 ст. 166, ст. 216, 217 УПК РФ) предполагает необязательность навыка чтения. Его отсутствие компенси-

¹ О гражданских и политических правах: международный пакт от 16 декабря 1966 г. // Международное гуманитарное право в документах. М.: Московский независимый институт международного права, 1996. С. 40 – 59; Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Указ. соч. С. 69 – 84; Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. // Указ. соч. С. 541 – 552.

² Статья 17 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР. Принят третьей сессией Верховного Совета РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. С. 90.

руется оглашением процессуальных документов, которое объективируется несколькими приемами: обязательность подписания протокола участниками следственного действия; удостоверение этого факта посредством привлечения понятых или использованием технических средств фиксации; присутствие защитника и представителя (ст. 164, 166, 167, 217 УПК РФ).

Тем не менее суды иногда указывают на необходимость привлечения переводчика, поскольку подсудимый не умеет читать по-русски и не может «...адекватно воспринимать юридическую терминологию...»⁴. Такими аргументами апелляция подтвердила законность и обоснованность решения суда первой инстанции о возвращении прокурору уголовного дела в отношении А.И. Мамедова. Суд, несмотря на длительность проживания подсудимого на территории России (26 лет), наличие заявления о владении русским языком, пришел к выводу, что отсутствие навыка чтения по-русски обуславливает перевод обвинительного заключения на азербайджанский язык. При этом не уточнялось, умеет ли А.И. Мамедов читать азербайджанские тексты. Что касается «адекватного восприятия юридической терминологии», то это явно завышенное представление о достаточном уровне владения языком судопроизводства. Это компетенция практикующих юристов.

Положение ч. 2 ст. 18 УПК РФ последовательно в законе не проведено. Оно искажено закреплением безусловного права пользоваться родным языком или языком, которым лицо владеет, и пользоваться бесплатной помощью переводчика, в нормах о процессуальных статусах участников уголовного процесса⁵. Нарушение этого права подсудимого влечет безоговороч-

ную отмену судебного решения (п. 5 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ)⁶. При его ущемлении у других участников процесса судебный акт отменяется по усмотрению суда (ч. 1 ст. 389¹⁷ УПК РФ)⁷. Это не противоречит априорной сущности уголовного процесса как системы процессуальных гарантий уголовно-преследуемого лица. Но не соответствует назначению российского уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), предусматривающему равную защиту прав и законных интересов и потерпевших, и обвиняемых.

Таким образом, в уголовно-процессуальном законе заложены две модели поведения правоприменителя при решении вопроса о привлечении к участию в деле переводчика. Одна из них основана на нормах ст. 18 УПК РФ и предполагает уточнение факта и степени владения языком уголовного судопроизводства, после чего должно приниматься решение о том, нуждается ли лицо в помощи переводчика. К примеру, по делу К. кассационная инстанция согласилась с решением об отказе в привлечении переводчика к участию в деле, поскольку, хотя обвиняемый был цыганом, это «не влечет ... обязательное назначение переводчика...» — он родился и проживает в России, окончил русскоязычную школу и т. д.⁸

Вторая опирается на закрепляющие правовой статус участников уголовного процесса нормы. Она не предусматривает никаких действий по установлению факта и степени владения государственным языком, достаточно лишь волеизъявления субъекта или усмотрения правоприменителя. Именно так произошло по делу Ш.Б. Эфендиева, гражданина Российской Федерации, заявившего перед первым допросом в качестве подозреваемого ходатайство о предоставлении ему

⁴ Апелляционное постановление Кемеровского областного суда от 12 ноября 2013 г. по делу № 22-6155. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 16.01.2015).

⁵ См.: Пункт 6 ч. 2 ст. 42; п. 5 ч. 4 ст. 44; (п. 6 ч. 4 ст. 46 УПК РФ п. 6 ч. 4 ст. 47; п. 5 ч. 2 ст. 54; п. 2 ч. 4 ст. 56 УПК РФ).

⁶ Это положение подлежит расширительному толкованию, т. е. нарушение этого права не только у подсудимого, но и подозреваемого и обвиняемого влечет безусловную отмену постановленного решения.

⁷ Постановление Правобережного районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 11 ноября 2014 г. по делу № 10-20. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 16.01.2015).

⁸ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 11 сентября 2012 г. по делу № 22-7494. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 09.01.2015).

переводчика с чеченского языка, которое дознаватель сразу удовлетворил. Игнорирование этого ходатайства в судебном заседании при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения заключение под стражу, повлекло отмену постановления в апелляционной инстанции⁹.

Иногда в рамках одного производства в зависимости от избираемой обвиняемым тактики защиты переводчик участвует в производстве только некоторых следственных действий. Например, у гр. Б.А. Цакаевой нужда в переводчике появилась по истечении 10 месяцев с момента возбуждения уголовного дела. Заявленное ею ходатайство сразу удовлетворили со ссылкой на то, что она хотя и гражданка России, но чеченка по национальности¹⁰.

Как представляется, правоприменитель должен, основываясь на системном толковании уголовно-процессуальных норм, следовать первой из обозначенных моделей поведения, т. е. определять факт и степень владения языком судопроизводства и только после этого принимать соответствующее решение. Именно такова правовая позиция Конституционного Суда РФ по этому вопросу: «...Суд, разъясняя сторонам их права и обязанности, создавая необходимые условия для исполнения ими процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав и разрешая заявленные ими ходатайства ... должен удостовериться в том, что уровень владения участником уголовного судопроизводства языком, на котором оно ведется, со всей очевидностью является достаточным для реализации этим участником его прав и обязанностей...»¹¹.

Тем не менее, как показано выше, встречаются оба алгоритма принятия решений.

Причин этому несколько.

1. Отмеченная выше недостаточная ясность формулировки оснований пра-

ва пользоваться иным языком, а не языком уголовного судопроизводства. Правоприменитель не утруждает себя системным толкованием норм, чтобы выявить их действительный смысл. Привлекая к участию в деле переводчика «по мановению руки» обвиняемого, закона он не нарушает, напротив, это оценивается как обеспечение осуществления процессуальных прав.

2. Процессуальная трудоемкость для правоприменителя действовать в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 18 УПК РФ и выход за пределы предмета доказывания при реализации этих положений. Установление лингвистической компетенции участника процесса предполагает специальное исследование посредством допросов, истребования документов из образовательных организаций, государственных органов, получения сведений с места работы, проживания лица и т. п.

Такие фактические данные не обладают свойством относимости. Их нельзя рассматривать как направленные на установление обстоятельств, характеризующих обвиняемого (п. 3 ч. 3 ст. 73 УПК РФ). Такие обстоятельства классифицируются по двум группам: а) выделяющие его из массы других индивидов (фамилия, имя, отчество, место рождения и т. д.) и б) относящиеся к области социализации (общественное положение, поведение в быту, наличие и степень нравственной деформации и т. п.). Некоторые из них могут являться элементом предмета доказывания (возраст, условия воспитания и т. п. по делам в отношении несовершеннолетних)¹². Не подпадают данные о владении (степени владения) языком судопроизводства и под понятие промежуточных (вспомогательных, побочных и т. п.) фактов. К ним относят те, которые хотя и не устанавливают обстоятельства предмета доказывания,

⁹ Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 21 марта 2014 г. по делу №22-2490. [Электронный ресурс] Режим <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 16.01.2015).

¹⁰ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 10 января 2014 г. по делу № 22-227. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 19.01.2015).

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 20 июня 2006 г. № 243-О // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 14.12.2014); определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1064-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2014); определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2013 г. № 545-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.12.2014) и др.

¹² Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и дор. М.: Юрид. лит., 1973. С. 174 и след.

но позволяют восстановить «картину совершенного преступления»¹³.

Следовательно, процессуальная деятельность по установлению владения или степени владения языком приводит к неоправданной избыточности доказывания. Одним из ее индикаторов является включение в пределы доказывания фактических данных, не отвечающих обстоятельствам дела¹⁴.

3. Достаточно высокая вероятность отмены постановленного по делу решения в связи с нарушением права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика в порядке п. 5 ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ. Оценочный характер используемых в законе понятий «владение» или «недостаточное владение» языком судопроизводства в совокупности с безусловной формулировкой права давать показания и объясняться на родном языке или языке, которым подсудимый владеет, многократно увеличивает возможность ситуации «несогласия» правоприменителя, осуществляющего последующий судебный контроль, с ранее сформулированной по этому вопросу позицией. Как, например, по упоминавшемуся выше делу А.И. Мамедова.

Нельзя назвать достаточно определенными понятия «родной язык», «язык, которым лицо владеет». Допустим, для этнических немца или поляка, всегда живших в русскоязычной среде, какой язык является родным? Или имеет ли право этнический русский, в равной степени владеющий русским и английским языками, право пользоваться английским языком? С точки зрения буквального толкования некоторых нормативных предписаний (напри-

мер, п. 6 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) это его ничем не ограниченное право. Конечно, в специальной литературе даются ответы на эти и связанные с ними вопросы¹⁵. Но является ли задачей обремененного многими обязанностями правоприменителя вдаваться в такие тонкости?! Не проще ли сформулировать ясные, простые положения, исключающие необходимость толкований, которые всегда вариативны.

Содержание рассматриваемого института позволяет судам принимать решения вопреки некоторым нормативным предписаниям.

1. Законодательству о статусе русско-го языка, на котором осуществляется деятельность всех государственных органов Российской Федерации¹⁶. В связи с этим необоснованным представляется признание не владеющим языком судопроизводства А.М. Созаева, совершившего во время прохождения военной службы по контракту серию преступлений¹⁷. При принятии решения не учтены по меньшей мере два существенных обстоятельства: 1) военную службу могут проходить только те, кто владеет государственным, т. е. русским, языком¹⁸; 2) объективная сторона инкриминированных деяний — вымогательство (8 эпизодов) — предполагает такой уровень владения языком, который позволяет оказывать психическое воздействие на потерпевшего, парализовать его волю и заставить выполнить предъявленные требования¹⁹. Неслучайно одним из приемов доказывания по этим делам является производство лингвистической экспертизы²⁰.

2. Миграционному законодательству и законодательству о гражданстве, кото-

¹³ Указ соч. С. 201.

¹⁴ Указ соч. С. 192.

¹⁵ О многообразии подходов к понятию «родной язык», имеющих в научной литературе, см.: Кузнецов О.Ю. Институт языка судопроизводства в процессуальном праве России // Современное право. 2010. № 1. С. 74–75.

¹⁶ Пункт 4 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

¹⁷ Апелляционное постановление Тихоокеанского флотского военного суда от 21 ноября 2013 г. по делу № 22К-163. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 16.01.2015).

¹⁸ Часть 1 ст. 2 и ч. 1 ст. 33 ФЗ от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

¹⁹ Ляхненко А.А. Особенности понятия угрозы при вымогательстве // Общество и право. 2004. № 3. С. 177.

²⁰ Бутакова Л.О. «Дело о вымогательстве»: использование прагматического описания коммуникативного события в экспертных целях // Юрлингвистика. 2012. № 1(12). С. 152–166.

рые предполагают знание государственного языка прибывающими в безвизовом порядке для осуществления трудовой деятельности на основании патента и лицами, принявшими гражданство России²¹. Признание таких лиц не владеющими (недостаточно владеющими) языком судопроизводства нельзя признать обоснованным, оно ставит под сомнение решения компетентных органов по этим вопросам²².

3. Законодательству об образовании. Образовательная деятельность в России осуществляется на русском языке, а «преподавание и изучение государственных языков республик Российской Федерации» хотя и допускается, но не должно «осуществляться в ущерб преподаванию и изучению государственного языка...» (ч. 1, 3 ст. 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»)²³. Правоприменитель в противовес названным положениям исходит из презумпции не владения или недостаточного владения государственным языком, если лицо проживает в союзной республике, поскольку образование получает на своем родном языке. Иногда к этому аргументу присовокупляют суждения о проживании в удаленной сельской местности и т. п. Именно так суд обосновал решение по делу А.Е. Охлопкова²⁴, которому инкриминировалось деяние, не предполагающее активных коммуникаций (незаконное уничтожение или повреждение лесных насаждений — ч. 2 ст. 261 УК РФ), что можно рассматривать как допущение недостаточного знания языка.

Менее убедительна позиция судов союзных республик, признающих подсуди-

мых недостаточно владеющими государственным языком по делам о преступлениях, объективная сторона которых предполагает умение вербально воздействовать на потерпевших. Так, группе лиц, в которую входили этнические русская и якутки, инкриминировалось 38 эпизодов мошенничества (ч. 4 ст. 159 УК РФ). Апелляционная инстанция отменила приговор, признав осужденных недостаточно владеющими языком судопроизводства²⁵. Суд, принимая это решение, не учел не только полиэтничность преступной группы, уровень образования (среднее медицинское), но и характер совершенных преступлений. Мошенники — это лица, характеризующиеся коммуникабельностью, способностью легко вступать в контакт, расположить к себе, оказать психологическое воздействие и т. п.²⁶

Закрепление положений о праве пользоваться родным языком или языком, которым лицо владеет (ч. 1 ст. 18 УПК РФ), можно расценивать не как дополнительную гарантию права на защиту, а как «медвежью услугу» законодателя государству и уголовно преследуемому лицу. Это не только сложности поиска квалифицированного переводчика, особенно владеющего редкими языками (диалектами, наречиями), удорожание судопроизводства, нарушение права на доступ к правосудию, особенно для потерпевших, и т. п. Это по многим причинам ухудшение положения лица, в интересах которого осуществляется устный и письменный переводы. В частности, словарь не каждого языка имеет юридическую терминологию²⁷, за-

²¹ Пункт «д» ч. 1 ст. 13 ФЗ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031; п. 6 ч. 2 ст. 13. 3 ФЗ от 25 июня 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

²² В частности, упоминавшееся дело в отношении А.И. Мамедова, являвшегося гражданином России.

²³ Части 1 и 3 ст. 14 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

²⁴ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 18 марта 2014 г. по делу № 22-398. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 19.01.2015).

²⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 19 ноября 2013 г. по делу № 232-2235. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sudact.ru> (дата обращения 15.01.2015)

²⁶ *Белицкий В.Ю.* Криминалистическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество по принципу «финансовой пирамиды» // Бизнес в законе. 2007. № 3. С. 279; *Царев Э.А.* О личности страхового мошенника // Общество и право. 2011. № 5. С. 210 и др.

²⁷ Например, юридические термины не переводятся на якутский язык. См.: *Яковлев М.М., Корякина З.И.* Язык национального уголовного судопроизводства // Вестник СВФУ. 2014. Т. 11. № 2. С. 108.

кон не требует от переводчика юридической грамотности, перевод всегда субъективен и т. п. Поэтому весьма высока вероятность неправильного, неточного перевода, что неблагоприятно влияет на постановляемое решение. Наличие этой проблемы отражается в некоторых решениях²⁸.

Иногда привлечение переводчика приобретает просто анекдотичный характер. По мнению подсудимой Т.И. Эверстовой, переводчик не осуществлял доскональный перевод, проявлял некомпетентность, «якутское слово «кэлэтэн» перевел «в ругательском понятии». Любопытно, что защитник подсудимой, адвокат П.М. Ефимов обосновывал недостаточное знание ею русского языка обучением в сельской местности на якутском языке. Очевидно, что уровень владения русским языком таков, что Т.И. Эверстова улавливала даже нюансы перевода, поэтому привлечение переводчика было явно избыточным.

Изложенное позволяет констатировать — имеющаяся нормативная модель института языка уголовного судопроизводства имеет ряд дефектов, которые детерминируют следующие неблагоприятные последствия: 1) разницей в применении норм института; 2) правоприменение, противоречащее предписаниям достаточно большого массива нормативно-правовых актов; 3) избыточное доказывание; 4) удлинение сроков расследования и рассмотрения уголовных дел; 5) удорожание судопроизводства.

Не боясь показаться тривиальными, мы считаем, что единственным способом решения означенных выше проблем является приведение законодательства в соответствие с международно-правовым стандартом. Судебная практика показывает, что даже достаточно внятная позиция Конституционного Суда РФ по вопросу о признании лица, не владеющим или недостаточно владеющим языком судопроизводства, не обеспечила единообразия судебной практики.

Пристатейный библиографический список

1. *Белицкий В.Ю.* Криминалистическая характеристика личности преступника, совершившего мошенничество по принципу «финансовой пирамиды» // *Бизнес в законе.* — 2007. — № 3.
2. *Бутакова Л.О.* «Дело о вымогательстве»: использование прагматического описания коммуникативного события в экспертных целях // *Юрислингвистика.* — 2012. — № 1(12).
3. *Кузнецов О.Ю.* Институт языка судопроизводства в процессуальном праве России // *Современное право.* — 2010. — № 1.
4. *Ляхненко А.А.* Особенности понятия угрозы при вымогательстве // *Общество и право.* — 2004. — № 3.
5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — 22-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1990.
6. *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / Отв. ред. Н.В. Жогин. — 2-е изд., испр. и дор. — М.: Юрид. лит., 1973.
7. *Царев Э.А.* О личности страхового мошенника // *Общество и право.* — 2011. — № 5.
8. *Яковлев М.М., Корякина З.И.* Язык национального уголовного судопроизводства // *Вестник СВФУ.* — 2014. — Т. 11. — № 2.

²⁸ См., напр.: Апелляционное постановление Верховного суда Республики Хакасия от 9 апреля 2014 г. по делу № 22-323. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 19.01.2015).